

Концепты бедность и богатство в пословичной картине мира русского и лезгинского языков

Дагестанский государственный университет; Россия, 367000, г. Махачкала, ул. М. Гаджиева, 43а; dzhalilova104866@mail.ru, gas.marina@mail.ru

В статье анализируются концепты *богатство* и *бедность* в паремиологических единицах русского и лезгинского языков. Лингвокультурологический анализ пословиц и поговорок тесно связан с внешними факторами: с культурой того или иного народа или страны, с ее историей, бытом и т. д. Паремии реагируют на явления действительности, отражая этническое мировоззрение, передавая философские, эстетические, религиозные и pragmaticальные народные взгляды.

В бытовании концептов *бедность* и *богатство* в русских и лезгинских паремиях представлены универсальные и специфические особенности, демонстрирующие разнообразные этноспецифические образы и служащие отражением не только материального, но и духовного состояния. Пословичный дискурс носит преимущественно назидательный характер, в нем прямо или косвенно утверждается приоритет морально-этических ценностей над материальными благами.

Ключевые слова: *русский язык, лезгинский язык, паремии, концепт, лингвокультурология, богатство, бедность.*

Постановка проблемы

Лингвокультура есть результат взаимодействия или наложения культуры и языка, часть «культуры народа, представляющая собой совокупность явлений культуры и явлений языка, взаимосвязанных друг с другом и отраженных в сознании отдельной личности» [3, с. 78].

Языковая картина мира выступает ключевым понятием лингвокультурологии, которое определяется как «продукт сознания или фиксации национально-культурного наследия, реализующийся в процессе взаимодействия языка, действительности, а также мышления» [9, с. 121]. Основной единицей языковой картины мира выступает концепт – «мысленное образование, которое замещает в процессе мысли неопределенное множество предметов, действий, мыслительных функций одного и того же рода» [1, с. 19].

В статье проанализированы общие и специфические особенности репрезентации концептов *богатство* и *бедность* в паремиологической картине мира русского и лезгинского языков.

Результаты исследования

Пословичный фонд отдельного языка можно воспринимать как культурное наследие. Паремии традиционно и однозначно отражают наиболее яркие фрагменты национальной языковой картины мира, менталитет, мировосприятие, отношение к людям, гендерные особенности и т. д. Пословицы и поговорки являются ценным источником, поскольку предоставляют информацию о традициях, культуре и быте народа и

охватывают реальные жизненные условия и специфику мировосприятия. Пословичная картина мира представлена системой правил и взглядов, выработанных этносом на протяжении многих столетий.

В русских и лезгинских пословичных текстах основными лексемами, репрезентирующими понятия *бедность/кисибвал* и *богатство/девлетвал*, являются *деньги/пул*, *золото/къизил*, *богатство/девлем*, *бедняк/кесиб*, *богач/девлемту* и др.

Традиционно понятие *богатство* связывают с драгоценными металлами, в первую очередь – золотом, которое используется как в прямом, так и переносном, метафорическом значении:

рус. яз.: *Здоровье дороже золота. Золото и на воде плавает.*

лезг. яз.: *Гъар ҖарҖар гайиди къизил жедач* «Не все, что блестит, – золото». *Къизил гъвечи ятIани, къимет чIехи я* «Хотя золото маленькое, но цена высокая». *Къарадиз аватай къизил къуру жедач* «Даже упав в грязь, золото не ржавеет». *Хъсан чал къизлдиляни багъя я* «Доброе слово дороже золота».

Концепт *богатство* часто реализуется через лексему *деньги/пул*, которая является маркером социального благополучия и источником забот и тревог:

рус. яз.: *Денег наживешь – без нужды проживешь. Денежка без ног, а весь свет обойдет. Копейка кругла, смотри, чтоб не укатилась. Деньги, что камни: тяжело на душу лежат.*

лезг. яз.: *Пул ава – девлемту я, акъуллу я, пул авач – ахмакъ «Если деньги есть – умный, если денег нет, то дурак». Кесибдиз пул жагъайла твадай чка жагъидач* «Бедняк, нашедший деньги, не находит место, куда их можно было бы положить». *Къале къал пул авачирла жеда* «Дома скандал происходит из-за денег».

В обеих лингвокультурах актуализируется образ *денег* как гарантированного и безотказного средства достижения любой цели:

рус. яз.: *И слова не скажи, только гроши покажи. Стоит крякнуть да денежской брякнуть – все будет.*

лезг. яз.: *Пулдихъ фекъи анихъ амукурай, шариатни маса къачуз жеда* «За деньги не только муллу, но и шариат можно купить».

Но обнаруживается и группа паремий, в которых деньгам отводится второстепенная роль в жизни человека и утверждается приоритет духовных ценностей:

рус. яз.: *Не деньги нас наживали, а мы их. Деньги не голова: дело наживное. Не в деньгах счастье.*

лезг. яз.: *Пулдин берекет квайтIа, ам гъиляй-гъилиз фидачир* «Если бы деньги изобилие приносили, они из рук в руки не переходили бы».

В паремиологической картине мира рассматриваемых языков представлены образы, демонстрирующие пагубное влияние материального богатства на человека:

рус. яз.: *Богатый помнит только о себе. Пусти в душу ад, будешь богат. Гревов много, да и денег вволю.*

лезг. яз.: *Хур тIуърда, хур гатада* «Наевшись грудинки, по своей груди бьет» (т. е. от избытка и довольства с ума сходит). *Къульуын фуаз, ракъун руфун къанды* «Для пшеничного хлеба необходим железный желудок (т. е. не каждый выдерживает испытание богатством). *АцIай къамIал алай итим фад къиляй акъатда* «Богатый мужчина голову быстро теряет». *Буба къенмаз, хци къизилар авай чка хабар къада* «Как только умирает отец, сын интересуется, где его золото лежит».

В обеих лингвокультурах складывается положительный образ *богатства*, если только оно является результатом труда и бережливости:

рус. яз.: *На дырявый кошелек денег не наберешь. Без копейки рубля нет. Деньги под ногами не валяются. Без труда не выловишь рыбку из пруда.*

лезг. яз.: *Ваз қланта виртни фу, къачу гъиле перни, къусу «Хочешь хлеб с медом, возьми в руки лопату и совок». Ни чукуртла зегъмет, гъанава берекет «Кто трудится, у того достаток в доме». Кепекдин къадир авачирда манатдин къадир жедач «Кто не ценит копейки, тот и рубль не ценит». Са-са кепекдикай манат жеда «По одной копейке рубль получится».*

Общей чертой русских и лезгинских паремий о материальном благополучии является то, что в них прослеживается религиозная тематика, что свидетельствует о значимой роли религии в жизни данных народов:

рус. яз.: *Грехов много, да и денег вволю. Деньга не только попа купит, но и Бога обманет. Богатому рай, а бедному ад.*

лезг. яз.: *Гишинда аман, тухда иман жедач Азраил чандин къайгъуда жеда, мерес малдин «Азраил думает о душе, а родственники – о богатстве». Кесиб рекъидайла, фекы азарлу жеда «Когда умирает бедняк, мулла заболевает». Девлетлу къейила, фекыидиз хвеши жеда «Когда умирает богатый, мулла радуется» (т. к. его за молитвы щедро вознаградят).*

Достаток и нужда связаны в первую очередь с удовлетворением первичных потребностей человека, к которым относится еда. В обеих пословичных картинах мира обнаруживаются интересные паремиологические образы, актуализирующие рассматриваемые концепты посредством пищевого кода культуры:

рус. яз.: *У голодного нет силы, у богатого нет веры. Перебиваться с хлеба на воду (крайняя нужда). Куда нам есть сметану с калачом: хлебаем и воду с черняком (ржаным хлебом). Дорог и хлеб, коли денег нет. Густая каша семьи не разгонит (т. е. семья крепка, коли есть достаток).*

Интересна лингвокультурная коннотация бытующего выражения *положить деньги на кашу*, связанная с давней русской традицией, согласно которой при рождении ребенка пришедшие поздравить новоиспеченных родителей клали деньги на специально приготовленную крышку кастрюли или горшка с кашей, обычно гречневой или пшенной. Данный обычай носит условный, символический характер, а когда-то имел глубоко сакральное значение. «Обряд с «кашой» и сейчас предполагает сбор денег, а прежде являлся древней формой оплаты повитухи; ритуал называли *продажа каши*, он имитировал оплату за рождение ребенка и защищал, как верили, его от внезапной младенческой смерти [9, с. 261]. Другое выражение *Денежки на стол, а изба на простор* – демонстрирует традицию выкупа невесты у родителей. Такой обычай есть и у дагестанцев, но он не отражается в паремиологическом дискурсе лезгин;

лезг. яз.: *Гишин вечерез ахварайни цуыкI аквада «Голодная курица и во сне видит просо». Тухда гишиндикай хабар къадач «Сытый голодного не поймет». Кесиб рекъидайла, фекы азарлу жеда «Когда умирает бедняк, мулла заболевает». Гъур авачир кIаве сафунин дяве ава «В доме, где нет муки, сито воюет». АуIай қIамIал – гишин къиф «На полном ларе голодная мышь». Гишин балкIанди къенерар жакъвада «Голодный конь удила жуёт».*

Внешний вид, одежда также свидетельствуют о материальном достатке, как верно подмечено в русской поговорке *Встречают по одежке, провожают по уму*. И в лезгинских паремиях символами материального благополучия может выступать «одеждный» код культуры:

Шалвар авачирдаz къве юкI хун аквада «Тому, у кого нет штанов, во сне снится два метра бязи». *Я руфун тух жедач, я дун – џийи* «Ни полного желудка, ни новой одежды».

В русском языке обнаружены в составе паремиологических единиц собственные имена, называющие антропного и антропоморфного персонажа. В лезгинском языке антропонимический код культуры в пословичном дискурсе не представлен:

рус. яз.: *Как у Сенюшки две денежки – так Семен да Семен, а у Сенюшки ни денежки – ни во что Семен. Деньги есть – Иван Петрович, денег нет – паршива сволочь. Богат Ермошка: завел кота да кошку.*

В лезгинских пословицах и поговорках синонимами слов *девлет, девлетлу* «богатство, богатый» могут выступать персидское и тюркское заимствования *авадан* и *берекет*:

Авадан хуър гумадилай чир жеда «Богато ли село по дымоходам видно». *Къуль-зульди къвалин берекет я* «Старый человек – богатство дома». *Ни чIугуртIа зегьмет, гъанава берекет* «Кто трудится, у того в доме и достаток». *Пулдин берекет квайтIа, ам гъиляй-гъилиз фидачир* «Если бы деньги приносили богатство, они из рук в руки не переходили бы».

К вещественным признакам материального благополучия или неблагополучия можно отнести лексемы, обозначающие место локализации денег – это *карман, кошелек, моина* и т. п.:

рус. яз.: *В одном кармане воишь на аркане, а в другом – блоха на цепи. И велика была моина, да вся изошла.*

лезг. яз.: *Къале фу тахъунин, киседа пул тахъун сад я* «Нет хлеба в доме или нет денег в кошельке – одно и то же». *Руфуна зар – келледа гар* «В кармане густо, а в голове пусто».

Пословичные образы, репрезентирующие *богатство* как отражение духовного состояния, представлены в обоих языках обширной группой, что свидетельствует об утверждении приоритета духовного над материальным. В паремиях подчёркивается, что никакие богатства не смогут заменить любовь, дружбу, здоровье, поскольку эти ценности и есть самое большое богатство:

рус. яз.: *Любовь нельзя купить деньгами. Хороший друг ценнее сокровища. Здоровье дороже денег. Здоровью цены нет. Здоровье – первое богатство. Лучше капля ума, чем вдоволь богатства.*

лезг. яз.: *Акъул маса къачуз жедай затI туши* «Ум – это не то, что можно купить». *Багъа хъицIикъдикай бармак цваналди акъуллу жедач* «Оттого, что из дорогой овчины сошьёшь папаху, умнее не станешь». *Мас авай гаф алтундилай багъа я!* «Ценное слово дороже золота!». *Къиметлу гаф къизилдилай багъа я* «Достойное слово – дороже золота». *Хъсан чIал къизлдияни багъа я* «Доброе слово дороже золота». *Зегьмет-зегьмет, мадни зегьмет-ингье еке девлет* «Труд, труд, еще раз труд – вот тебе и богатство». *Сагъивелай еке девлет авач* «Здоровье – самое большое богатство». *Къанажасъ маса къачуз жедач* «Достоинство купить нельзя». *Вии манатдилей са дуст хъсан я* «Чем иметь сто рублей, лучше иметь одного друга».

Богатство часто противопоставляется антонимическому концепту *бедность* в пословичных текстах:

рус. яз.: *Богатого по отчеству, а убогого по прозвищу. Лучше жить бедняком, чем разбогатеть со грехом. От нужды умнеют, от богатства жиреют. Богатого за стол усаживают, а бедного и так выпроваживают.*

лезг. яз.: *Пул ава – девлетлу я, акъуллу я, пул авач – ахмакъ* «Если деньги есть, то умным считаются, коли нет, то дураком называют». *Гишиндаз аман, тухдаз иман жедач* «У голодного нет силы, у богатого нет веры». *Кесибдин рикI дагъ я, девлетлудин рикI – дар* «Сердце бедняка – как гора [широкое], сердце богача – узкое». *КIвал маса гайиди са йисуз девлетлу жеда – кIвал маса къачурди са йисуз кесиб жеда* «Кто продал дом, год живёт богатым, кто купил дом, год живёт бедным».

Следует отметить, что *бедность/кесибвал* получает в русской и лезгинской паремиологических картинах мира неоднозначную интерпретацию. Бедняк может вызывать сочувствие и сострадание, желание помочь:

рус. яз.: *Бедный богатому не брат. Бедность не порок. С деньгами мил, а без денег постыл.*

лезг. яз.: *Кесибвал айиб туш, угъривал айиб я* «Бедность не постыдна – стыдно воровать». Кесиб рекъидайла, фекъи азарлу жеда «Когда умирает бедняк, мулла заболевает». *Кесибдин гъил яхъ* «Бедного надо поддержать». *Дарда авайдаз куьмека* «Нуждающемуся помоги».

Бедняк представляется как человек не только обездоленный, но и неудачливый, несчастный. «Материальная нужда накладывает тень и на все другие стороны бытия бедняка» [2, с. 366]:

рус. яз.: *Бедному везде бедно. Бедному нигде места нет. Бедным родился – нищим помрешь. Бог с бедного последнее сдирает да богатого одевает.*

лезг. яз.: *Кесиб гъамамдиз фейила, чими ци мурк къуна* «Когда бедняк идет в баню, даже горячая вода превращается в лед». *Къуьд кесибдин душман я* «Зима – враг бедняка». *Мекъидан гъил гишидан къулак* «Руки замерзшего за пазухой у голодного». *Кесибдин баҳт къарагъайла, вич ахварал фида* «Когда к бедняку приходит счастье, он засыпает» (т. е. не замечает). *Кесибдин сурни кесиб жеда* «Могила бедняка – тоже бедная». *Къаравулвал кесибдал атайла, йифни яргъал жеда* «Когда караулит бедняк, и ночь удлиняется».

Бедняк может рассчитывать на сочувствие и понимание только от такого же бедняка:

лезг. яз.: *Кесиб кесибдин панагъ я* «Бедняк бедняку опора», *Кесибдин рикликай кесибди хабар къада* «Что на сердце бедняка только другого бедняка интересует».

Однако есть паремии, в которых рассматривается положительное отношение к концепту *бедность*, поскольку бедняку нечего терять и нечего бояться: *Бедный спит крепче. Бедность учит, а счастье портит*. Лучше жить в честной бедности, чем в богатстве, нажитом нечестным путём: *Лучше жить бедняком, чем разбогатеть со грешком. У бедного шуба овечья, а та же душа человечья.*

Если рассматривать стилистические приемы создания паремиологических образов, то видим, что преобладающим в обоих языках выступает метафора:

рус. яз.: *Деньги пух – только дунь на них – и нет. Богатство – вода: пришла и ушла. Кому вершки, а кому корешки.*

лезг. яз.: *Гишиндан рафун ацIуда, вил ацIудач* «У голодного желудок наполнится, а глаза остаются ненасытыми».

Встречаются примеры и с таким видом метонимического переноса, как синекдоха:

рус. яз.: *Есть гроши, будет рожь.*

лезг. яз.: *Кепекдин къадир авачирдаз манатдин къадир жедач* «Кто не ценит копейки, тот и рубль не ценит».

Активно представлены пословичные конструкции, построенные на сравнении:

рус. яз.: Богатство спеси сродни. Беден как церковная мышь.

лезг. яз.: Пул инсандин душман я «Деньги – враг человека».

Яркие, экспрессивные образы пословичного дискурса могут создаваться за счет параллелизма и антитезы:

рус. яз.: С деньгами мил, без денег – постыл. Слову – вера, хлебу – мера, деньгам – счет. Богатство гниет, а нищета живет.

лезг. яз.: Касибвал айиб туши, угъривал айиб я «Бедным быть не стыдно, а стыдно воровать». Къвал маса гайиди са йисуз девлетту жеда – къвал маса къачурди са йисуз кесиб жеда « Кто продал дом, год живет богатым, кто купил дом, год живёт бедным».

Заключение

Таким образом, при реализации концептов *бедность* и *богатство* в русской и лезгинской паремиологических картинах мира отображаются общие и отличительные признаки, представленные через самобытные паремиологические образы. Собранный фактический материал можно условно разделить на две группы:

1) пословичные образы, репрезентирующие *богатство* и *бедность*, как отражение материального состояния;

2) пословичные образы, репрезентирующие *богатство* и *бедность*, как отражение духовного состояния.

Паремиологические единицы носят преимущественно инструктивный характер, в них прямо или опосредованно утверждается приоритет морально-этических ценностей над материальными благами.

Литература

1. Аскольдов С.А. Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: антология. – М.: Academia, 1997. – С. 267–279.
2. Гасанова С.Н., Гасанова М.А. Лингвокультурологический анализ концепта «богатство» в паремиологической картине мира табасаранского и агульского языков // Мир науки, культуры, образования. 2015. № 6 (55). – С. 364–366.
3. Гасанова М.А., Айазова З.Г. Лингвокультурологическая специфика обращений в лезгинском и китайском языках // Вестник ДГУ. Сер.: Гуманитарные науки. 2021. Вып. 2. – С. 105–111.
4. Городецкая Л.А. Лингвокультурная компетентность личности как культурологическая проблема: автореф. дис. ... д-ра культурологии [Электронная версия печ. публикации]. – – М., 2007 // <http://vak.ed.gov.ru/common/img/uploaded/files/vak/announcements/Kultur/GorodetskayaLA.doc> К структуре текста: Антология / под ред. В.П. Нерознака. – М., 1997.
5. Ганиева А.М. Пословицы и поговорки лезгин. – Махачкала, 2010.
6. Даль В.И. Пословицы русского народа. – М.: Художественная литература, 1989.
7. Евдокимова Л.В. Специфика отражения менталитета русского народа в малых жанрах русского фольклора (пословица и поговорка) // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2018. № 2 (22). – С. 40–45.
8. Кадачиева Х.М. Абдулкадырова А.Б. Системные и структурные характеристики концептосферы // Вестник ДГУ. Сер.: Гуманитарные науки. 2019. Вып. 3. – С. 65–70.

9. Ковшова М.Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: коды культуры. – 3-е изд. – М.: ЛЕНАНД, 2016. – 456 с.

10. Федорова А.А. Аксиологический потенциал паремиологического фонда русского языка (на примере пословиц и загадок) // Наука через призму времени. 2018. № 1 (10). – С. 121–123.

Поступила в редакцию 5 июня 2022 г.

UDC 811.35/ UDC 811.581

DOI: 10.21779/2542-0313-2022-37-4-131–137

Concepts of Poverty and Wealth in the Proverbial Picture of the World of the Russian and Lezgian languages

G.Yu. Jalilova, M.A. Gasanova

Dagestan State University; Russia, 367000, Makhachkala, M. Gadzhiev st.; dzhalilova104866@mail.ru, gas.marina@mail.ru

The article is devoted to the analysis of the concepts of *wealth* and *poverty* in the paremiological units of the Russian and Lezgian languages. The linguacultural analysis of sayings and proverbs is closely connected with external factors: the culture of a particular people or country, its history, everyday life, etc. The paroemias react to the phenomena of reality, reflecting the worldview of the people, conveying philosophical, aesthetic, religious and pragmatic folk views. In the existence of the concepts *poverty* and *wealth* in the Russian and Lezgian paremiological pictures of the world, universal and specific features are represented, revealing a developed figurative component. Proverbial images representing the concepts under consideration serve as a reflection not only of the material, but also of the spiritual state. The paremiological units are mainly edifying in nature, they directly or indirectly assert the priority of moral and ethical values over material goods.

Keywords: *Russian language, Lezgian language, paroemia, concept, linguistic culture, wealth, poverty.*

Received 5 June 2022